

14. Freytag-Loringhoven, A. Die Weimarer Verfassung in Lehre und Wirklichkeit / A. Freytag-Loringhoven. – München : Lehmann, 1924. – 424 S.
15. Preuß, H. Reich und Länder. Bruchstücke eines Kommentars zur Verfassung des Deutschen Reiches / H. Preuß. – Berlin : Heymanns, 1928. – 278 S.
16. Kelsen, H. Allgemeine Staatslehre / H. Kelsen. – Berlin : Springer, 1925. – 433 S.
17. Heller, H. Die Souveränität. Ein Beitrag zur Theorie des Staats- und Völkerrechts / H. Heller. – Berlin [u.a.] : de Gruyter, 1927. – 177 S.
18. Laband, P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches : in 4 Bd. / P. Laband. – [Neudr. d. 5. Aufl. – Tübingen, 1911]. – Bd. 1. – Aalen : Scientia, 1964. – 532 S.
19. Schmitt C. Verfassungslehre / C. Schmitt. – München–Leipzig : Duncker & Humblot, 1928. – 404 S.
20. Holste, H. Der deutsche Bundesstaat im Wandel (1867–1933) / H. Holste. – Berlin : Duncker & Humblot, 2002. – 580 S.
21. Robbers, G. Die Begründung des Rechts in der Weimarer Republik / G. Robbers // Widerstand und Verteidigung des Rechts ; hrsg. von G. Ringshausen und R. von Voss. – Bonn : Bouvier, 1997. – S. 147–158.
22. Smend, R. Verfassung und Verfassungsrecht / R. Smend. – München [u.a.] : Duncker & Humblot, 1928. – 178 S.
23. Smend, R. Die Politische Gewalt im Verfassungsstaat und das Problem der Staatsform / R. Smend. – Tübingen : Mohr, 1923. – 25 S.
24. Oeter, S. Integration und Subsidiarität im deutschen Bundesstaatsrecht. Untersuchungen zur Bundesstaatstheorie unter dem Grundgesetz / S. Oeter. – Tübingen : Mohr Siebeck, 1998. – 655 S.
25. Ladeur, K.-H. Postmoderne Verfassungstheorie / K.-H. Ladeur // Zum Begriff der Verfassung. Die Ordnung des politischen; hrsg. von U.K. Preuß. – Frankfurt a. M. : Fischer, 1994. – S. 304–331.
26. John, A. Der Weimarer Bundesstaat: Perspektiven einer föderalen Ordnung (1918–1933) / A. John. – Wien [u.a.] : Böhlau, 2012. – 486 S.

ПОЛИТИКА КАБИНЕТОВ Д. КЭМЕРОНА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИИ (2010–2016 ГГ.)

А. А. Сурма,

*аспирант кафедры всеобщей истории
и методики преподавания истории*

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

В период правления кабинетов Кэмерона в системе высшего образования Англии произошли значительные перемены. Власти стремились расширить применение рыночных механизмов в сочетании с реализацией принципа социальной справедливости в системе высшего образования для того, чтобы поднять качество образовательных стандартов в стране.

Согласно Комплексному обзору расходов правительства за 2010 г., государственные расходы в сфере высшего образования предусматривалось сократить на 40 % и повысить стоимость обучения в университетах. Изменения должны были вступить в силу в 2012/2013 учебном году [11, р. 26, 52]. Повышение стоимости обучения в университетах должно было компенсировать потери вузов от значительного сокращения финансирования [7, р. 1]. Ограничение финансирования в сфере высшего образования, как и в других социальных сферах, было частью политики «жесткой экономии», закрепленной в коалиционной правительственной программе [14, р. 15]. Данная политика должна была помочь правительству ликвидировать структурный бюджетный дефицит.

Стоимость обучения предполагалось повысить в соответствии с рекомендациями, указанными в специальном исследовании о финансировании высшего образования, подготовленным лордом Д. Брауном и опубликованным 12 октября 2010 г. Согласно документу, предусматривалось не просто повысить стоимость обучения в вузах, а дать возможность университетам устанавливать любую цену по их усмотрению [10, р. 10]. В основе этого предложения лежали принципы рыночной экономики, согласно которым университеты устанавливали бы стоимость обучения, опираясь на возможности и желание студентов платить за образование. Престижные университеты с высоким качеством предоставляемых образовательных услуг устанавливали бы высокую стоимость, зная, что студенты, желая получить качественное образование и тем самым впоследствии улучшить свою социальную мобильность, устроившись на хорошую высокооплачиваемую работу, платили бы фиксированную сумму. Тот же принцип должен был работать с менее престижными университетами: они бы устанавливали более низкую стоимость, так как студенты не стали бы платить слишком много за обучение в вузе с более низким качеством предоставляемых образовательных услуг. Таким образом, закон спроса и

предложения должен был бы регулировать ценовой диапазон, а также количество университетов на рынке образовательных услуг [3, р. 103–104]. Следовательно, стремление получить максимальную прибыль, как главный двигатель капиталистической экономики, должно было побуждать университеты к повышению качества предоставляемых услуг, если те хотели устанавливать более высокую стоимость обучения. В противном случае они должны были либо снижать стоимость обучения, либо столкнуться с перспективой закрытия.

Консерваторам, поддерживающим принципы свободного рынка, понравился план Д. Брауна по установлению безлимитного повышения цен на обучение, но против выступили либеральные демократы, для которых это было неприемлемо. В итоге в декабре 2010 г. были достигнуты новые договоренности, которые, по существу, являлись компромиссом между стремлениями консерваторов и либеральных демократов. Стоимость обучения в университетах была повышена в два раза с 3,375 £ (на 2010/2011 учебный год) до 6000 £ в год, при этом максимально возможная стоимость поднималась до 9000 £ в случае, если университет расходовал часть заработанных средств на формирование стипендий, в частности стипендий для студентов из малоимущих семей. Предполагалось, что взимание установленной максимальной платы будет редким явлением, но в действительности это стало нормой [3, р. 104; 7, р. 1; 13, р. 281].

Правительство заверило, что повышение стоимости обучения никак не отразилось бы на перспективах поступления студентов в вузы, так как им было разрешено выплачивать образовательный долг после окончания университета [1, с. 59]. Кабинет Кэмерона взял на вооружение новый механизм оплаты обучения, представленный в исследовании Д. Брауна. В соответствии с исследованием новый механизм оплаты за обучение выглядел следующим образом: студенты должны платить за обучение только после его окончания в виде подоходного налога от суммы, превышающей 21 000 £ годового заработка [10, р. 40]. Подоходный налог был установлен в размере 9 % [4, р. 9]. Например, если выпускник(ца) за год заработал(а) 30 000 £, то 9 % высчитывались от дополнительных 9 000 £ (810 £), которые и шли на оплату его(ее) обучения [3, р. 104]. Выпускник(ца) должен(а) был(а) платить за обучение по такой системе в течение 30 лет. В случае, если за это время он или она до конца не выплачивал(а) долг, то тогда задолженность списывалась [10, р. 10].

Повышение цен на обучение и новый механизм оплаты нашли свое отражение, в опубликованной в июне 2011 г. Министерством предпринимательства, инноваций и ремесел Великобритании, Белой книге «Высшее образование: студенты в сердце обучения». В документе говорилось, что нововведения вступят в силу осенью 2012 г. [4, р. 9]. Согласно Белой книге, изменения в системе высшего образования вводились только на территории Англии, не затрагивая другие страны Великобритании [4].

Стоит отметить, что повышение стоимости обучения вряд ли могло решить вопрос оздоровления британской экономики, так как новый механизм выплаты долга за обучение создавал чрезмерную нагрузку на государственную схему студенческих кредитов. Вследствие этого в среднесрочной перспективе (5–15 лет), согласно прогнозам, чистая задолженность государственного сектора могла вырасти еще на 20 млрд £ [7, р. 1–2]. Правительство Кэмерона, предвидя это, отметило в Белой книге, что новый механизм оплаты должен был привести к росту государственного финансирования в секторе высшего образования (за счет государственных кредитов) на 10 % к 2014–2015 гг., и в то же время заверило, что большая часть расходов будет погашена за счет студенческих выплат по образовательным кредитам [4, р. 5].

Реакция студентов на нововведение была крайне негативной: студенческие демонстрации прокатились по всей Англии. Более того 10 ноября 2010 г. студенты атаковали штаб-квартиру Консервативной партии и нанесли ей значительный ущерб – в итоге 14 человек были ранены и 32 арестованы. Тем не менее, протесты и студенческие демонстрации не смогли повлиять на решение правительства повысить цены на обучение. Это произошло в сентябре 2012 г. [1, с. 59].

Результатом повышения цен на обучение в университетах Англии стало сокращение количество студентов 18-летнего возраста на 15 000 человек в 2012 г. по сравнению с 2011 г. [6, р. 2]. В других частях Соединенного Королевства (Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс), где не произошло повышения стоимости обучения в вузах, количество 18-летних поступающих в университеты в 2012 г. в сравнении с 2011 г. в целом осталось прежнем уровне. Исключение представляла Северная Ирландия, где имело место снижение количества 18-летних поступающих на 1,3 %. Стоит отметить, что падение уровня поступающих 18-летнего возраста в Англии в 2012 г. было единичным случаем; в последующие годы работы правительств Кэмерона количество студентов данной возрастной группы неуклонно росло [16, р. 11].

Повышение цен на обучение в Англии стало причиной падения количества студентов и из государств-членов ЕС – в 2012/2013 учебном году их количество снизилось на 13,3 % по сравнению с 2011/2012 учебным годом. Например, в Шотландии, где, как указывалось, не было проведено изменений в системе оплаты, количество абитуриентов из ЕС в 2012/2013 учебном году увеличилось на 6 %. Стоит отметить, что количество студентов из государств-членов ЕС в Англии в дальнейшие годы деятельности кабинетов Кэмерона практически

восстановилось – в 2016/2017 учебном году их было на 12,3 % больше по сравнению с 2012/2013 учебным годом [9, р. 14–15].

Повышение стоимости обучения негативно отразилось на популярности гуманитарных специальностей, студенты стали охотнее связывать свое обучение с техническими специальностями [1, с. 60]. В то же время, нововведение положительно повлияло на стремление студентов правильно выбирать образовательные курсы – студенты перестали выбирать те образовательные курсы, которые были им менее интересны [1, с. 60].

Правительство также разработало план по привлечению молодых людей из малоимущих семей к получению высшего образования. Одним из элементов этого плана была Национальная стипендиальная программа. В Белой книге отмечалось, что с 2012 г. будет введена Национальная стипендиальная программа, которая к 2014 г. будет располагать государственными средствами в размере 150 млн £. При этом правительство планировало также привлечь и средства различных благотворительных организаций для двукратного увеличения финансирования программы [4, р. 12].

Данная программа оказала значительную поддержку студентам из малообеспеченных семей (семьи чей годовой доход был ниже 25 000 £). Студенты этой категории имели возможность получить ежегодную государственную помощь на сумму не менее 3000 £ в первые два года обучения и не менее 2000 £ в последний год обучения. Помощь включала в себя выплату стипендий, различные скидки и льготы на проживание и обучение. Однако данная программа была действительна для студентов только три учебных года [8]. В Комплексном обзоре расходов за 2013 г. было отмечено, что Национальная стипендиальная программа в 2015/2016 учебному году должна была быть сокращена до 50 млн £ и переориентирована на поддержку аспирантов из малоимущих семей [12, р. 40]. Свертывание стипендиальной программы для студентов из малоимущих семей произошло из-за большой доли критики в ее адрес – Национальная стипендиальная программа была названа неэффективным инструментом для побуждения малоимущей молодежи поступать в ВУЗы [2, р. 6].

Несмотря на отмену Национальной стипендиальной программы, политика кабинетов Кэмерона по привлечению молодых людей из малообеспеченных семей к обучению в вузах содействовала продолжению роста числа 18-летних поступающих из данной категории граждан (кроме 2012 г.) – если в 2006 г. 12,2 % английских абитуриентов из малообеспеченных семей подали заявки на поступление, то в 2016 г. их уже было 22 %. Схожая тенденция отмечалась и в других странах Соединенного Королевства [16, р. 27].

Правительства Кэмерона поощряли также открытие новых университетов частными компаниями и «независимыми» организациями. Это делалось в рамках логики рыночной экономики. Целью данной инициативы было укрепление конкурентной среды в сфере высшего образования, в которой усиливалась роль «клиентов», т.е. студентов. Предусматривалось, что руководство традиционных вузов, сталкиваясь с новыми источниками конкуренции, повысит качество предоставляемых услуг, чтобы увеличить число обучающихся в своих стенах и тем самым получить большую прибыль [3, р. 108].

В рамках проводимой правительственной политики, направленной на повышение образовательных стандартов и улучшение социальной мобильности общества, в декабре 2013 г. канцлер казначейства (министр финансов) Джордж Осборн озвучил намерение британского руководства снять лимит на количество мест для обучения в вузах. Так в 2014–2015 гг. учебном году планировалось увеличить число мест на 30 тыс., а в 2015–2016 гг. учебном году полностью снять ограничение [5]. Как и в предыдущих нововведениях, данное изменение имело целью укрепление принципов рыночных отношений в высшем образовании, которые обеспечили бы увеличение поставщиков образовательных услуг. Более того, правительство видело в этой инициативе возможность дать британской молодежи обучаться в элитных университетах, так как у этих учебных заведений больше не было бы причин отказывать студентам в возможности обучения (при условии, что будущий студент имел необходимые для поступления отметки). Это рассматривалось кабинетами Кэмерона как возможность поднять социальную мобильность среди британской молодежи [3, р. 108].

Снятие ежегодного лимита на количество мест для обучения в университетах опять же имело целью создание конкурентной борьбы между университетами за студентов. Конкуренция должна была иметь регулирующую функцию – университеты, в которые студенты не хотели поступать, должны были либо снизить оплату за обучение, либо столкнуться с перспективой закрытия [3, р. 109]. Итогом снятия ограничений на число мест при поступлении и открытия новых частных вузов явилось увеличение в 2017–2018 учебном году количества студентов, чьи родители никогда не учились в университетах. Данный факт, по мнению критиков, нельзя считать улучшением социальной мобильности британских граждан, т. к. большинство таких студентов поступили в университеты с низким рейтингом, и это не давало гарантии, что они получат качественное образование и в будущем смогут устроиться на престижную работу и улучшить свой социальный статус [17].

О результаты политики кабинетов Кэмерона в сфере высшего образования Англии можно судить из исследования, проведенного Комиссией по вопросу социальной мобильности *Time for change: An Assessment of*

Government Policies on Social Mobility 1997–2017. В нем рассматривалась и анализировалась правительственная политика по улучшению социальной мобильности британского населения за 20 лет [15]. Ее итоги в годы правления Кэмерона были довольно противоречивыми. Эксперты положительно отнеслись к расширению возможностей для молодых людей в Англии получить высшее образование, но в то же время отмечали, что полученное британской молодежью образование не сыграло положительной роли при дальнейшем трудоустройстве. Основной причиной данной тенденции эксперты считали укоренившееся в британской системе образования предпочтение к предоставлению профессиональной квалификации, а не возможности трудоустройства [15, p. 66].

Наиболее обескураживающей, по мнению экспертов, выглядела перспектива ликвидации разрыва между бедными и богатыми молодыми людьми в вопросе образовательных достижений. По подсчету исследователей, для ликвидации данного разрыва, при установленных темпах, необходимо было еще 80 лет [15, p. 67].

Таким образом, рассмотрев политику правительств Кэмерона в сфере высшего образования Англии, можно сделать вывод, что в период с 2010 по 2016 г. руководство страны стремилось повысить качество образовательных стандартов и увеличить вовлеченность молодых людей, главным образом, лиц из малообеспеченных семей, в процесс получения высшего образования, используя для этого рыночные механизмы и применяя принцип социальной справедливости. Основной предпосылкой выбора таких средств для достижения вышеуказанных целей была политика «жесткой экономии», которая вынуждала правительства Кэмерона сокращать социальные расходы. В целом, результаты образовательной политики в отмеченный нами период являлись противоречивыми, так как, несмотря на положительную тенденцию в системе высшего образования (расширение возможностей молодежи получить высшее образование), практическое положение дел требовало от правительства более решительных и целенаправленных мер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Еремина, М. Ю. Дэвид Кэмерон: Социальная политика коалиционного правительства (2010–2013 гг.) / М. Ю. Еремина // Современная Европа. – 2014. – № 3. – С. 52–63.
2. Financial support for HE students since 2012. IFS Briefing Note BN152 / L. Dearden [et al.]. – London : IFS, 2014. – 32 p.
3. Dorey, P. The British coalition government, 2010–2015: a marriage of inconvenience / P. Dorey, M. Garnett. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 311 p.
4. Higher Education: Students at the Heart of the System / Department for Business Innovation and Skills. – London : TSO, 2011. – Cm 8122. – 79 p.
5. House of Commons. Autumn Statement. Col. 1110. 5 December 2013 [Electronic resource] : Hansard. – Mode of access: <https://hansard.parliament.uk/commons/2013-12-05/debates/13120554000002/AutumnStatement>. – Date of access: 20.01.19.
6. How have applications for full-time undergraduate higher education in the UK changed in 2012? / UCAS. – UK, 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ucas.com/sites/default/files/ucas_how_have_applications_changed_in_2012.pdf. – Date of access: 22.12.19.
7. Mcgettigan, A. The great university gamble: money, markets and the future of higher education / A. Mcgettigan. – London : Pluto Press, 2013. – 215 p.
8. Policy paper: 2010 to 2015 government policy: higher education participation / Department for Business Innovation & Skills [Electronic resource] : GOV.UK. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-higher-education-participation/2010-to-2015-government-policy-higher-education-participation>. – Date of access: 21.12.19.
9. Patterns and Trends in UK Higher Education 2018 / Universities UK. – London, 2018. – 39 p.
10. Securing a sustainable future for higher education. An independent review of higher education funding and student finance [Electronic resource]. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/422565/bis-10-1208-securing-sustainable-higher-education-browne-report.pdf. – Date of access: 15.12.19.
11. Spending review 2010 / HM Treasury. – London : TSO, 2010. – Cm 7942. – 104 p.
12. Spending round 2013 / HM Treasury. – London : TSO, 2013. – Cm 8639. – 66 p.
13. Smithers, A. The coalition and society (III): Education / A. Smithers // The coalition effect, 2010–2015 / Eds. A. Seldon, M. Finn, I. Thoms. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – Ch. 10. – P. 257–289.
14. The Coalition: our programme for government / HM Government. – London, 2010. – 36 p.
15. Time for change: An Assessment of Government Policies on Social Mobility 1997 –2017 / Social Mobility Commission. – UK, 2017 [Electronic resource]. – Mode of access:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/622214/Time_for_Change_report_-_An_assessment_of_government_policies_on_social_mobility_1997-2017.pdf. – Date of access: 26.12.19.

16. UK application rates by the January deadline / UCAS. – UK, 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ucas.com/file/147891/download?token=sjxwG1wA>. – Date of access: 22.12.19.

17. Yorke, H. Half of students starting university are now first in their family to do so, new figures reveal. 18 October 2017 [Electronic resource] : The Telegraph. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/education/2017/10/18/half-students-starting-university-now-first-family-do-new-figures/>. – Date of access: 20.01.19.

ПОЛИТИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА США В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В 1990-Е ГГ.

К. А. Сурма,

*Аспирант кафедры Всеобщей истории и методики преподавания истории
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»*

В 1990-е гг. в США произошел рост антииммиграционных настроений и подъем рестрикционизма в отношении нелегальной иммиграции мексиканцев. Под влиянием этого федеральное правительство начало проводить активные действия для борьбы с нелегальной иммиграцией.

Центральным элементом политики администрации Б. Клинтона, направленной на борьбу с нелегальной иммиграцией, стало усиление контроля на юго-западной границе США. Основное объяснение в пользу этого подхода заключалось в том, что предотвращение въезда в страну нелегальных иммигрантов при попытке пересечения границ являлось более эффективным и экономически выгодным, чем их обнаружение и последующая депортация после въезда в США [1]. Данная стратегия получила название «Предотвращение по средствам сдерживания» (“Prevention through deterrence”) [2].

Первоначально новая стратегия начала осуществляться в пограничных секторах Эль-Пасо (штат Техас) и Сан-Диего (штат Калифорния), которые традиционно принимали основной поток нелегальных иммигрантов из Мексики. По данным 1993 г. на этих двух секторах было задержано более 2/3 от всех задержанных нелегальных иммигрантов – около 817 тыс. человек (всего за этот год на всех секторах юго-западной границы было задержано 1,2 млн. человек.) [3].

В сентябре 1993 г. в пограничном секторе Эль-Пасо (протяженность составляет около 20 миль) Служба иммиграции и натурализации начала проводить операцию по усилению пограничного патрулирования «Блокада» (Operation “Blockade”). Суть операции заключалась в том, что агенты пограничного контроля размещались прямоком вдоль границы в прямой видимости друг от друга для круглосуточного патрулирования и немедленного задержания нелегальных иммигрантов при попытке проникновения в США. В то же время часть агентов должна была патрулировать аэропорт, железнодорожные линии и дороги. Проведение данной операции потребовало мобилизовать все силы Пограничного патруля в данном секторе: для патрулирования границ было направлено 400 из 600 агентов Пограничного патруля, а также Служба иммиграции и натурализации выделила дополнительные 300 тыс. долларов на реализацию программы в течение двух недель [4].

Результаты новой стратегии были незамедлительными. Уровень количества проникновений в США в секторе Эль-Пасо резко упал. Число задержаний снизилось менее чем 200 человек в день (обычный уровень в 1992 г. составлял 800–1000 человек). Еще одним важным показателем эффективности операции было уменьшение проникновений во внутренние районы США из сектора Эль-Пасо. Произошло значительное уменьшение количества задержаний нелегальных иммигрантов в аэропорту, поездах, автобусах и других транспортных средствах, покидающих Эль-Пасо. Например, количество задержаний в аэропорту сократилось на 90 % в сравнении с 1992 г. и составляло в среднем 8–15 человек в день [4].

Первоначально операция «Блокада» рассматривалась как временный эксперимент сроком на две недели, однако явные успехи этой операции показали, что данная стратегия работает, и усиление пограничного контроля в секторе Эль-Пасо было продолжено как постоянная стратегическая программа, но с новым названием – операция «Удержание линии» (“Hold the line”).

После успеха Пограничного патруля в секторе Эль-Пасо федеральное правительство сделало стратегию «Предотвращение по средствам сдерживания» основной в области противодействия незаконного въезда в США. В октябре 1994 г. была проведена одна из самых крупных операций по ужесточению пограничного контроля – операция «Привратник» (“Gatekeeper”) в секторе Сан-Диего (протяженность 66 миль). В результате в секторе Сан-Диего произошло увеличение количества агентов пограничной службы, введено дополнительное техническое